

Гражданско-правовая ответственность образовательных организаций за качество обучения: невыносимый парадокс

Сергей Будылин,

советник АБ «Бартолиус»
sergey.budylin@gmail.com

Юлий Тай,

управляющий партнёр АБ «Бартолиус»,
профессор НИУ ВШЭ

На первый взгляд кажется, что ученик должен иметь возможность привлечь к деликтной ответственности негодных учителей так же, как можно привлечь к ответственности негодного врача, юриста или сантехника. Однако на этом пути обнаруживаются непреодолимые практические препятствия.

Судье, рассматривающему деликтный иск ученика к учебному заведению, почти невозможно измерить реальную ценность тех знаний, которые учитель транслирует ученику. Не говоря уже о том, что судье весьма затруднительно определить, является ли причиной плохой подготовки небрежность учителя или же лень самого ученика.

В результате суды, как американские, так и российские, практически никогда не удовлетворяют деликтных исков, предъявленных в связи с качеством обучения. Исключением являются случаи, когда речь идёт о прямом нарушении учебным заведением писаного закона, регулирующего его деятельность.

В регламентировании образовательной деятельности и США, и Россия полагаются в основном на административные механизмы, а не на гражданские иски. Увы, и у этих механизмов есть свои недостатки.

В статье обсуждается вопрос гражданско-правовой ответственности образовательных организаций за качество обучения с иллюстрацией судебной практики США и России.

«Невыносимо парадоксальным представляется вывод о том, что производитель шампуней не имеет права подвергать опасности скальп студента, но ведущее образовательное учреждение может набивать его череп любой чепухой»

Судья Хаулсон
(цит. по статье Дж. Стиглера)¹

«Если плохое обучение (или лень со стороны студента) и нуждается в коррекции, то иск о неосторожности... не является практичным средством для этого»

Судья Нордберг
(в деле Ross)²

«Порядок и условия получения образования в Российской Федерации установлен государством, и он должен соблюдаться»

Коллегия Челябинского облсуда
(в деле ЮжУрГУ)³

Александр Сергеевич Пушкин, который, как известно, не был ярким образчиком прилежания и усидчивости, обучаясь в лицее, тем не менее вполне справедливо, ёмко, да и что там говорить, просто гениально сформулировал:

«О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...»

Соглашаясь с порывом великого соотечественника, мы также предпринимаем все возможные усилия, чтобы повышать как свой образовательный и интеллектуальный уровень, так и уровень наших студентов и слушателей. Многие годы с кафедры мы произносим им: «Знание — это не то, что можно дать, это то, что нужно брать».

Разумеется, настоящий юрист и интеллигент (хотя это слово настолько затёрто и обесценено, что почти превратилось в ругательство) читает не только юридическую литературу, но и пытается черпать знания из других источников, что, конечно, расширяет горизонты и позволяет сбросить профессиональные шоры. Очень часто именно книги из смежных и прикладных дисциплин наводят на новые идеи или прорывные концепты.

В одном из сборников⁴ работ и статей нобелевского лауреата по экономике (1982 г.) Джорджа Стиглера описывается прелюбопытное судебное дело.

¹ Stigler G.J. Sketch of the History of Truth in Teaching // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. No. 2. P. 491-495.

² Ross v. Creighton University, 740 F. Supp. 1319, 1329 (N.D. Ill. 1990).

³ Апелляционное определение СКГД Челябинского областного суда от 31.01.2020 № 2-88/2019 по делу № 11- 13060/ 2019 (11-40/2020) (синтаксис и пунктуация в цитате сохранены).

⁴ Стиглер Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: 2017. 336 с.

Бывший студент подал в суд на Гарвардскую школу бизнеса и своего профессора по экономике за то, что профессор научил его неправильной формуле. Используя эту формулу для спекуляций на рынке, выпускник Гарварда в итоге разорил свою компанию. Можно ли взыскать убытки с профессора и учебного заведения?

Кейс описан довольно подробно, с именами сторон и судей.

Заинтересовавшись, мы попытались найти этот судебный акт. Он, очевидно, должен быть очень громким и резонансным, чего стоит только «цитата», использованная нами в эпиграфе. Однако, к нашему удивлению, обнаружилось, что кейс никому, кроме Дж. Стиглера, не известен и в базах судебных актов отсутствует. Более того, даже судей таких никогда не было.

Это открытие нас озадачило. Что это, фейк или шутка гения? Провокация? Попытка проверить «на вшивость» читателей?!

Впрочем, вскоре всё объяснилось. Достаточно было задать вопрос друзьям в Facebook⁵ или хотя бы дочитать статью до последней страницы: там упоминаются события 80-х годов, тогда как сама статья от 1973 года (правда, в сборнике переводов год выхода статьи указан мелким шрифтом).

Перед нами действительно шутка, а вернее, сатира в жанре антиутопии на тему чрезмерного государственного регулирования и вмешательства в стиле слона в посудной лавке!

После обсуждения «гарвардского» кейса в статье Дж. Стиглера следует описание «взрывного распространения судебных споров на предмет ошибок в обучении». Приводится пример обширного дисклеймера, которым стали сопровождаться научные работы. А ближе к концу статьи сообщается о создании в США федерального бюро по лицензированию деятельности университетских профессоров.

Надо полагать, у тогдашних американских читателей всё это вызывало гомерический хохот. Однако с учетом введенных за последние годы запретов, которые еще совсем недавно были абсолютно немыслимы, неприемлемы, фантазийны, а сейчас стали общим местом, что никто не возражает и не удивляется, для современного российского читателя юмор не совсем понятен и не веселит.

Между тем вопрос, поставленный перед судом в этом гипотетическом кейсе, отнюдь не лишён смысла.

В самом деле, неужели университет или иное образовательное учреждение не несёт никакой ответственности за качество предоставляемых им образовательных услуг? Но если несёт, то кто может определить это качество? Должен ли суд устанавливать правильность или неправильность написанной профессором формулы? И если научная теория оказалась неправильной, взыскивать ли убытки с авторов и распространителей теории? Что делать, если полученные вами «знания» не по-

⁵ Авторы признательны Анатолию Семёнову за указание на рецензию к статье Дж. Стиглера, где его текст характеризуется как «гипотетический кейс» и «выдающаяся сатира».

зволяют работать по специальности или приводят к ошибочным действиям и решениям на работе?

Сходные вопросы можно задать и в отношении школьного образования. Спорные научные гипотезы в средних школах обсуждаются редко, но и вопрос качества преподавания обычных школьных предметов может стоять очень остро. Если учителя плохо учат, можно ли им за это предъявить иск? И как суду понять, хорошо ли учит учитель?

Вопросы, конечно, интересные, но в России не имеющие ответов ни у теоретиков, ни у практиков. США в этом смысле продвинулись, пожалуй, чуть дальше.

США: нелёгкая судьба иска об «образовательной небрежности»

Обратимся для начала к американскому опыту⁶. Оказывается, в США есть довольно обширная судебная практика по этому вопросу: учащиеся действительно предъявляют иски к своим учебным заведениям, обвиняя их в некачественности образования (правда, в основном речь идёт о средних школах). Однако суды, как правило, отказывают в удовлетворении таких исков.

Заметим, что все классические прецеденты на эту тему относятся к периоду после выхода статьи Дж. Стиглера. Не исключено, что его антиутопия оказала некоторое влияние и на настроения американских судей.

В принципе, с точки зрения американского суда для взыскания убытков с преподавателя или учебного заведения не обязательно принимать специальный закон об ответственности за плохое преподавание. Кажется, что этот вопрос можно разрешить и на основании общих принципов деликтного или договорного права.

В случае претензий к публичным средним школам речь обычно идёт о деликтном иске. Точнее, об иске о причинении вреда по неосторожности (*negligence*). По аналогии с другими исками о профессиональной небрежности (медицинской, юридической и т. д.) такой иск может быть назван иском об «образовательной небрежности» (*educational malpractice*).

Большинство американских судов считает, что для удовлетворения иска о неосторожном причинении вреда требуется доказать наличие следующих элементов⁷:

- обязанность ответчика проявлять заботу об истце (*duty of care*);
- нарушение ответчиком этой обязанности (*breach of duty*);
- ущерб истца (*injury*);

⁶ Parker J.C. Educational Malpractice: A Tort Is Born // Cleveland State Law Review. 1991. Vol. 39. P. 301–321; Aquila F.D. Educational Malpractice: A Tort *En Ventre* // Cleveland State Law Review. 1991. Vol. 39. P. 323–355; DeMitchell T.A., DeMitchell T.A. Statutes and Standards: Has the Door to Educational Malpractice Been Opened? // Brigham Young University Education and Law Journal. 2003. No. 2. P. 485–518.

⁷ См., например: DeMitchell T.A., DeMitchell T.A. Op. Cit. P. 491.

- непосредственная⁸ причинно-следственная связь между нарушением обязанности и ущербом (*proximate causation*).

Если так, то вопрос лишь в том, сможет ли истец доказать наличие всех элементов. Особенно проблематичными представляются определение стандарта заботливости (как именно должен учить «хороший» учитель?) и доказывание причинности (что именно является причиной необразованности ученика, его собственная глупость или ошибки учителя?).

С другой стороны, суд может вообще отказаться рассматривать деликтный иск о некачественном школьном обучении, если сочтёт, что законодательство об образовании полностью вверяет контроль над публичной системой образования административным органам и тем самым полностью изымает из компетенции судов подобные деликтные иски.

Посмотрим, как решали такие споры американские суды.

Судебные дела с участием выпускников средней школы

1. Об отсутствии навыков чтения. Первое дело такого рода (*Peter W. v. San Francisco Unified School District*)⁹ было рассмотрено судами штата Калифорния в 1976 году. Выпускник средней школы предъявил своему школьному округу и ряду ответственных за школьное образование чиновников иск о небрежности в обучении (*negligence in instruction*), а также о предоставлении ложной информации (*misrepresentation*) об успехах ученика. Согласно иску, 18-летний юноша, окончив школу после 12-летнего обучения, обладал навыками чтения лишь на уровне пятого класса.

Суд первой инстанции отказал в иске без исследования доказательств, сочтя его безосновательным. Апелляционный суд согласился, что учитель должен проявлять заботу «в обычном смысле слова» об образовании ученика. Однако, сославшись на соображения публичной политики (*public policy*), отказался признать существование у учителя *правовой* обязанности заботливости, за нарушение которой можно взыскать убытки.

В судебном акте апелляции, написанном судьёй Рэттиганом (Rattigan, J.), говорится следующее:

«В отличие от действий на шоссе или на рынке, методология преподавания не имеет очевидных стандартов заботливости, причинности, ущерба. Наука педагогики полна различных и противоречащих друг другу теорий насчёт того, как и чему надо учить ребёнка, и любой непрофессионал может иметь – и часто имеет – свои собственные твёрдые убеждения по этому вопросу. Заявленный «ущерб» в данном случае – это неумение читать и писать. Многие профессиональные авторитеты утверждают, что школьные достижения в области грамотности

⁸ Будылин С.Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 111–151.

⁹ Peter W. v. San Francisco Unified School District, 60 Cal. App. 3d 814 (Cal. App. 1976).

или отсутствие таковых зависят от множества факторов, которые влияют на ученика субъективно, вне рамок формального процесса обучения и за пределами контроля учителей. Они могут быть физическими, неврологическими, эмоциональными, культурными, связанными со средой...»¹⁰

Кроме того, суд выразил опасение, что в случае признания им наличия у публичных школ правовой обязанности заботливости их захлестнёт волна исков, и школы просто не смогут выполнять свои функции, а их бюджеты не выдержат. Суд пришёл к следующему выводу:

«С учётом роли, возлагаемой законом на публичные школы, и ограничений, следующих из их бюджетов, поддерживаемых за счёт публичных средств, а также с учётом только вышеупомянутых последствий для общества в случае возложения на них обязанности заботливости с вытекающей из неё ответственностью за нарушение, мы не признаем существования такой «обязанности»...»¹¹

Что касается второго основания иска, о предоставлении недостоверных заверений, суд указал, что истец не заявил никаких фактов (не говоря уже об их доказывании), подтверждающих, что он действительно поверил в поставленные учителями удовлетворительные оценки и полагался на эту информацию к своей невыгоде. Ввиду отсутствия необходимого фактического состава иск был отклонён.

2. О невыученном английском. Три года спустя похожий иск (*Donohue v. Copiague Union Free School District*)¹² рассматривали суды штата Нью-Йорк. Выпускник средней школы, несмотря на наличие аттестата об окончании школы, не мог написать заявление о приёме на работу, поскольку не обладал достаточными познаниями в письменном английском. Выпускник предъявил иск своему школьному округу на пять миллионов долларов, обвиняя своих учителей в нарушении их учительских обязанностей.

Суды двух инстанций отклонили иск как неосновательный без исследования доказательств, и дело дошло до Апелляционного суда (так называется высшая судебная инстанция штата Нью-Йорк). Решение от имени большинства написал судья Джейсен (Jasen, J.).

В отличие от калифорнийских коллег нью-йоркский суд предположил, что иск об образовательной небрежности в принципе не лишён смысла:

«Вполне возможно, что даже в рамках ограничений, существующих для традиционных исков о неосторожности или профессиональной небрежности, иск об «образовательной небрежности» (*educational malpractice*) формально может быть предъявлен. Не нужно слишком напрягать воображение, чтобы представить себе утверждение о правовой обязанности заботливости, имеющейся у преподавателей, рассматриваемых как профессионалы, по отношению к учащимся. Если на врачей, юристов, архитекторов, инженеров и других профессионалов возлагается некая обязанность по отношению к публике, которой они служат,

¹⁰ Ibid. P. 824.

¹¹ Ibid. P. 825.

¹² *Donohue v. Copiague Union Free School District*, 47 N.Y.2d 440 (N.Y. 1979).

то, можно сказать, ничто в праве не запрещает сходного подхода и к профессиональным преподавателям. И создание стандарта для оценки выполнения преподавателем этой обязанности не обязательно представляет собой непреодолимое препятствие. Что касается непосредственной причинно-следственной связи, хотя этот элемент может быть сложно, если не невозможно, доказать ввиду многих побочных факторов, имеющих значение для процесса обучения, заключить, что его никогда нельзя установить, было бы, возможно, слишком смелым предположением. Тогда остаётся лишь элемент ущерба, и кто может добросовестно отрицать, что учащемуся, который после выпуска из средней школы не понимает простого английского – дефект, якобы происходящий из небрежности его преподавателей, – был в некотором роде нанесён «ущерб»¹³

Но, по мнению суда Нью-Йорка, вопрос о том, должны ли суды рассматривать такой иск, нужно решать с учётом соображения публичного порядка. Суд пришёл к выводу, что не должны. По его словам, писанный закон штата Нью-Йорк вверил управление и контроль за образовательной системой штата уполномоченным органам штата, а потому суды не должны вмешиваться в деятельность этих органов в отсутствие грубых нарушений публичного порядка (какое нарушение следует считать «грубым», не уточняется).

«Признание судами этого основания иска было бы очевидным вмешательством в администрирование системы публичных школ, возложенное Конституцией и писанным законом на образовательные административные агентства»¹⁴

Таким образом, суд счёл, что в подобных делах четыре элемента деликтного иска в принципе могут быть налицо, но иск всё равно не стоит рассматривать по высшим соображениям публичного порядка.

Истец также заявлял о нарушении его конституционного права на образование. Однако, заглянув в конституцию штата, суд обнаружил, что она лишь обязывает законодателя создать систему публичных школ, а это, по заключению суда, не создаёт у образовательных органов обязанности гарантировать минимальный уровень образования каждому индивидуальному учащемуся.

Высший суд поддержал нижестоящие суды, и неграмотный выпускник не получил искомых пяти миллионов.

3. О неподходящей программе обучения. Во многих других «школьных» делах речь шла не столько о качестве преподавания как таковом, сколько о том, что учителя (по мнению родителей) неверно определили уровень умственного развития ребёнка с дефектами развития, а потому учили его по неправильной программе.

Заслуживает упоминания один кейс такого рода из штата Монтана от 1982 года (*B.M. v. State*)¹⁵. Дело в том, что этот спор, в отличие от большинства остальных, был разрешён в пользу истцов; во всяком случае, на начальном этапе, по которому имеется опубликованный судебный акт.

¹³ Ibid. P. 443.

¹⁴ Ibid. P. 445.

¹⁵ B.M. v. State, 649 P.2d 425 (Mont. 1982).

Апелляционный суд признал, что в случае применения к ученику ненадлежащей программы обучения ученик и его родители имеют право на иск. Мотивировка: это нарушение писаного закона штата, предписывающего создание системы образования, «которая разовьёт полный образовательный потенциал каждого лица», и гарантирующего каждому жителю штата «равенство образовательных возможностей».

Таким образом, даже в этом деле не было признано существование общеприменимого деликта «образовательная небрежность». Основанием иска послужил специальный закон.

Требования звезды баскетбольной команды к университету

Одно из немногих дел об «образовательной небрежности», посвящённых университетскому образованию (*Ross v. Creighton University*)¹⁶, было рассмотрено в 1990 году районным судом США в штате Иллинойс.

Университет по «спортивной квоте» пригласил на учёбу звезду школьной баскетбольной команды. Это несмотря на то, что на экзамене абитуриент набрал лишь девять баллов из тридцати шести, то есть явно не был готов к учёбе (средний балл других поступивших был равен 23).

Новоиспечённому студенту посоветовали записаться в классы керамики, теории баскетбола, футбола и лёгкой атлетики и т. п. Разумеется, в основном он играл в баскетбол. После того как студент отучился четыре года и уже не мог выступать за университет, обнаружилось, что на этих курсах он набрал лишь 96 кредитов из 128, необходимых для выпуска. У студента случился нервный срыв (с выбрасыванием мебели из окна, что подробно описывается в судебном акте), а затем он предъявил университету иск, который был основан как на деликтной, так и на договорной теории. Решение написал судья Нордберг (Nordberg, District Judge).

Обсуждая деликтную часть иска, судья процитировал решения судов различных штатов на тему «образовательной небрежности» и, согласившись с их аргументацией, не признал существования такого основания иска. Судья сослался на практическую невозможность установить непосредственную причинно-следственную связь между действиями преподавателей и плохими знаниями студента, а также на спорность вопроса о существовании у ответчиков обязанности заботливости по отношению к истцу и на соображения публичного порядка.

Помимо прочего, судья пишет следующее:

«Действительно, термин «образовательная небрежность» звучит соблазнительно; в конце концов, если врачи, юристы, бухгалтеры и другие профессионалы могут быть признаны ответственными за не проявление должной заботливости, то почему не преподаватели? ... Ответ состоит в том, что образование радикально отличается от других профессий. Образование – сугубо взаимный процесс, требующий взаимодействия учащегося с преподавателем. Хороший ученик

¹⁶ *Ross v. Creighton University*, 740 F. Supp. 1319 (N.D. Ill. 1990).

может научиться у плохого учителя; плохой ученик может закрыть свой разум для хорошего учителя. Без усилий со стороны студента обучить его нельзя. ... В других профессиях, напротив, сотрудничество клиента гораздо менее важно; даже с незначительным сотрудничеством со стороны клиента компетентный профессионал в других областях в состоянии контролировать получаемый результат. Но в образовании ответственность за результат лежит в конечном счёте на ученике. И процесс, и результат имеют субъективный характер, и доказывание или опровержение является чрезвычайно сложным»¹⁷

По словам судьи, если недостатки качества образования нуждаются в исправлении, то «иск о неосторожности по общему праву не является практичным средством для этого»¹⁸.

Что касается договорной части иска, баскетболист ссылаясь не на какое-то конкретное положение договора с университетом, а на обязанность действовать добросовестно (*implied duty of good faith and fair dealing*), известную американскому договорному праву (так же, как и российскому, но в отличие от английского договорного права). По мысли истца, из соображений добросовестности вытекает, что университет должен был заставить его ходить на лекции, обеспечить подходящее для него преподавание и т.п.

Судья не согласился с такой теорией. Он указал, что решение вопроса о добросовестности подразумевает значительную дискрецию суда. Судья заявил, что он, осуществляя эту дискрецию, отказывается брать на себя регулирование отношений между студентами-атлетами и их учебными заведениями. Регулирование должны осуществлять уполномоченные на то органы, обладающие необходимыми для этого квалификацией и персоналом!

Иск спортсмена-недоучки остался без удовлетворения.

Авиаинструктаж с летальным исходом

В более свежем, от 2012 года, деле из Иллинойса (*Waugh v. Morgan Stanley and Co., Inc.*)¹⁹ апелляционный суд приводит полезное резюме сути иска об «образовательной небрежности» и того, почему такой иск не признается американскими судами.

Речь в деле шла об авиакатастрофе: разбился самолёт Cessna 421B; пилот и три пассажира погибли. Наследники пилота и пассажира, а также собственник самолёта предъявили иск инструкторам, обвиняя их в том, что они плохо учили пилота.

Судья Смит (*Justice Fitzgerald Smith*) в ответ написал следующее:

«Вообще говоря, есть три широкие категории исков об образовательной небрежности: (1) учащийся утверждает, что школа по неосторожности не дала ему достаточных навыков; (2) учащийся утверждает, что школа по неосторожности

¹⁷ Ibid. P. 1328.

¹⁸ Ibid. P. 1329.

¹⁹ *Waugh v. Morgan Stanley and Co., Inc.*, 2012 IL App (1st) 102653.

неправильно диагностировала или не диагностировала его неспособность к обучению или ментальные дефекты; или (3) учащийся утверждает, что школа по неосторожности неправильно руководила его обучением. ...

Те суды, которые отказались признавать иски об образовательной небрежности, делали это на основе различных соображений публичной политики, включая: (1) отсутствие удовлетворительного стандарта заботливости, по которому следует оценивать учителя; (2) неустранимые неопределённости относительно причинности и природы ущерба в свете таких дополнительных факторов, как отношение учащегося, мотивация, темперамент, прошлый опыт и домашняя обстановка; (3) потенциальный поток исков против школ и (4) возможность того, что такие иски втянут суды в надзор над повседневной деятельностью школ»²⁰

Полностью согласившись с таким подходом, апелляция утвердила решение нижестоящего суда, отклонившего иск к инструкторам без исследования доказательств (*summary judgment*).

Стоит добавить, что в очень похожем деле от 2013 года (*Newman v. Socata SAS*)²¹ районный суд США во Флориде занял несколько иную позицию. Деликтный иск о неосторожности был предъявлен к авиационным инструкторам, которые якобы не сообщили пилоту о некоей опасной особенности модели самолёта, в результате чего самолёт с пилотом и двумя пассажирами разбился. Суд отказался признать иск требованием об «образовательной небрежности», а потому допустил его к рассмотрению (дальнейшая судьба дела нам неизвестна).

* * *

Иски об «образовательной небрежности» подавались во многих штатах, но суды неизменно отказывались признать существование такого основания иска²². В вышеупомянутом деле студента-баскетболиста судья Нордберг отмечает: «Образовательная небрежность – деликтная теория, излюбленная комментаторами, но не судами»²³. А в статье П. Аббот от 2002 года об этом говорится ещё выразительнее.

«Правоведы давно уже справили поминки по деликту «образовательная небрежность». Время от времени академические авторы эксгумируют этот деликт в правоведческих статьях для посмертного анализа того, что суды считают его фатальными дефектами, и чтобы постучать себя в грудь в коллективной скорби. Несмотря на это, общепризнано, что использование термина «образовательная небрежность» в качестве основания иска обрекает иск на отклонение»²⁴

²⁰ Ibid. Para. 29, 37.

²¹ *Newman v. Socata SAS*, 924 F.Supp.2d 1322.

²² См.: *DSW v. Fairbanks North Star Borough School District*, 628 P.2d 554 (Alaska 1981); *Tubell v. Dade County Public School*, 419 So. 2d 388 (Fla. Dist. Ct. App. 1982); *Hunter v. Board of Education of Montgomery County*, 453 A.2d 814 (Md. 1982); *Brown v. Compton Unified Sch. Dist.*, 80 Cal. Rptr. 2d 171, 172 (Cal. App. 2d Dist. 1998); *Livosi v. Hicksville Union-Free Sch. Dist.*, 693 N.Y.S.2d 617, 617–618 (N.Y.A.D. 2 Dept. 1999).

²³ *Ross*, 740 F. Supp. 1327.

²⁴ *Patricia Abbott. Sain v. Cedar Rapids Community School District: Providing Special Protection for Student-Athletes?* // *Brigham Young University Education and Law Journal*. 2002. No. 2. P. 291–312, 291.

Далее в статье обсуждается кейс из Айовы (*Sain u. Cedar Rapid Community Sch. Dist.*)²⁵, вроде бы намекающий на то, что поминки были преждевременны. Однако кейс не очень показательный. Речь опять идёт о студенте-баскетболисте, но он жалуются не на качество преподавания, а на бюрократические ошибки администрации университета, из-за которых он на год остался без стипендии. Верховный суд Айовы в итоге разрешил студенту предъявить иск о неосторожном предоставлении недостоверных заверений.

Можно заключить, что американские суды действительно пришли к тому «невыносимо парадоксальному» выводу, о котором говорил мифический судья Хаулсон в статье Джорджа Стиглера: образовательные учреждения не несут никакой ответственности перед учениками за качество образования, если только иное не предусмотрено каким-нибудь специальным законом.

Россия: торжество административных методов регулирования

Проблема качества образования, мягко говоря, не чужда и России.

Можно повстречать много оценок уровня и качества российского образования, но довольно редко они носят комплиментарный характер, более того, даже те позитивные примеры и отклики, которые можно обнаружить в информационном пространстве, как правило, касаются наследства СССР, что называется, накоплений предыдущих налоговых периодов.

Образовательная деятельность плотно регулируется государством. Для её ведения нужна государственная лицензия (выдается Рособрнадзором). Однако вузы, имеющие только лицензию, не имеют права выдавать дипломы «государственного образца». Для этого необходимо пройти государственную аккредитацию (тоже в Рособрнадзоре).

Однако прохождение аккредитации и получение лицензии носят сугубо формальный характер, главное, чтобы при проверках «петельки совпали с крючками», огнетушители весели на правильных местах, а также дисциплина называлась «Спорт и физическая культура», а не «Физическая культура», как у некоторых нерадивых вузов. Совершенно очевидно, что указанные проверки не учитывают и даже не пытаются сутевым образом разобраться в качестве образования, в том числе потому, что сделать это крайне непросто, более того, для реализации этой задачи требуется, чтобы уровень проверяющих был как минимум не ниже проверяемых, а это в настоящее время и в существующих реалиях недостижимо. То есть «главное, чтобы костюмчик сидел».

Кроме того, для некоторых видов обучения необходимы дополнительные разрешения. Так, для обучения пилотов вуз должен иметь сертификат, выдаваемый Росавиацией. В противном случае выпускник не сможет получить свидетельство пилота от Росавиации, а потому не сможет летать.

²⁵ *Sain u. Cedar Rapid Community Sch. Dist.*, 626 N.W.2d 115, 118 (Iowa 2001).

Нарушения законодательства об образовании влекут административную ответственность учебного заведения и его должностных лиц²⁶.

А что насчет гражданско-правовых методов регулирования? Может ли у нас, например, студент предъявить иск своему учебному заведению за плохое обучение? То есть предъявить, конечно, может, но каковы шансы удовлетворения такого иска?

К сожалению, акты судов общей юрисдикции у нас малодоступны (лишь в последние годы ситуация несколько улучшилась), в связи с чем изучение судебной практики затруднительно. Приходится в значительной мере ориентироваться на прессу. Увы, верить ей можно не всегда.

Дело о недостатках заочного образования

В 2008 году пресса сообщала о деле выпускника Южно-Уральского государственного университета, который заочно получил диплом инженера по программированию, заплатив 62 тысячи рублей за 6 лет обучения. Однако когда он пришёл на собеседование, чтобы поступить на работу программистом, его не взяли, сославшись на отсутствие необходимых знаний. Неквалифицированному выпускнику удалось устроиться лишь системным администратором с гораздо более низкой зарплатой.

По мнению выпускника, в университете ему не дали знаний по пяти необходимым дисциплинам, но в то же время преподавали такие предметы, которые по ГОСТу не обязательны. Выпускник потребовал вернуть ему часть денег за обучение (30 тыс.), а также компенсировать недополученную зарплату (72 тыс.) и моральный ущерб (500 тыс.). Районный суд в иске отказал, и выпускник подал кассационную жалобу в Челябинский областной суд.

Что же решила судебная коллегия? Поразительно, но «Российская газета» и «Интерфакс» сообщают о противоположных исходах рассмотрения дела в кассации! По первой версии, решение кассации состоялось в пользу студента, по второй – в пользу вуза. Сообщения датированы с разницей в один день (28 и 29 октября 2008 года соответственно). В обеих статьях есть ссылка на пресс-службу суда.

На сайте «Российской газеты» читаем следующее: «Челябинский областной суд поддержал его [истца], сочтя, что недостаточно подробно исследовано выполнение университетом установленной образовательной программы, которая должна соответствовать госстандартам. Решение районного суда отменено, дело направлено на новое рассмотрение»²⁷.

А вот по версии «Интерфакса», «Челябинский областной суд оставил без изменения решение Центрального райсуда Челябинска, который отказал в удовлетворении иска выпускника Южно-Уральского государственного университета, просившего взыскать около 600 тыс. рублей с вуза за недостаточные знания»²⁸.

²⁶ Ст. 5.57, 19.30 КоАП РФ.

²⁷ Молодой специалист предъявил иск к Южно-Уральскому госуниверситету за некачественное образование // Российская газета. 28.10.2008. <https://rg.ru/2008/10/28/reg-ygural/isk-anons.html>.

²⁸ Челябинский студент не смог отсудить у университета 600 тысяч рублей за плохое обучение // Интерфакс. 29.10.2008. <https://www.interfax.ru/russia/42254>.

Версия «Интерфакса» соответствует сообщениям местных СМИ. Так, «Уралинформбюро» довольно подробно рассказывает об аргументах ответчиков и судов.

«Представитель вуза не согласился с доводами, заявив, что заочная форма обучения предусматривает больше часов для самостоятельной работы студентов, чем очная, а обязательный минимум знаний был выдан. Кроме того, университет не отвечает за трудоустройство выпускников. Суд пришёл к выводу, что учебная программа была выполнена ЮУрГУ в полном объеме и в соответствии с госстандартами. Факт успешного освоения истцом учебного материала подтверждается аттестацией и наличием диплома, от получения которого он не отказался, каких-либо претензий к вузу не предъявлял, а впоследствии устроился на работу. Суд также указал, что при вынесении решения не принимает во внимание отрицательное мнение работодателя, поскольку субъективная точка зрения не может служить объективной оценкой профессионализма претендента на вакансию. В результате иск к ЮУрГУ был отклонен, а кассационная жалоба бывшего студента на решение Центрального райсуда Челябинска оставлена без изменения [sic]»²⁹

Заметим, что (если верить этому изложению) вуз не пытался сослаться на нерадивость самого ученика. Напротив, вуз утверждал, что выпускник успешно освоил материал (доказательство – диплом), а скептически настроенного работодателя обвинял в не-объективности.

Но какая же из двух противоположных версий исхода дела в кассации истинная? Текста кассационного определения в правовых базах не обнаружилось. Впрочем, вскоре всё объяснилось. Как вы понимаете, достаточно было задать вопрос друзьям в *Facebook*³⁰. Или хотя бы расширить рамки поиска в справочных правовых системах. Вскоре у нас была копия судебного акта, но не кассации, а надзора, до которого, оказывается, дело дошло впоследствии.

Надзорное постановление Президиума Челябинского областного суда датировано 24.12.2008³¹. Что касается процессуальной истории дела, там сообщается следующее: «Решением Центрального районного суда г. Челябинска от 01.09.2008 в иске М. отказано. Определением судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 21.10.2008 решение Центрального районного суда г. Челябинска отменено и дело направлено на новое рассмотрение в районный суд».

Получается, верна оказалась версия «Российской газеты». Но почему же прочие упомянутые выше СМИ на следующий день после статьи в «РГ» дружно сообщили о противоположном решении суда?

Найти разгадку этой детективной истории помог Архив Интернета (Internet Archive). На сайте этой некоммерческой организации хранятся копии веб-страниц, начиная с 1996 года. Как говорится, интернет помнит всё!

²⁹ Выпускник ЮУрГУ выставил альма-матер счет за некачественное обучение // Уралинформбюро. 29.10.2008. <https://www.uralinform.ru/news/society/98748-vypusknik-yuurgu-vystavil-agma-mater-schet-za-nekachestvennoe-obuchenie/>.

³⁰ Авторы признательны Евгению Крылову (Система «Юрист») за указание на судебный акт.

³¹ Постановление Президиума Челябинского областного суда от 24.12.2008 № 44-г-111/2008.

Оказалось, что исходный текст публикации в «Российской газете» был несколько иным. Последняя фраза статьи там звучала вот как: «Однако Челябинский областной суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставил решение районного судьи без изменения»³².

То есть изначально опубликованная «РГ» версия тоже была ошибочной! Как можно видеть из записей того же веб-архива, уже 06.11.2008 текст страницы изменился, и на нем появилась новая версия решения кассации. Никаких извинений, пояснений или комментариев к этому оруэлловскому переписыванию истории на веб-странице «РГ» не содержится. Остальные СМИ просто оставили всё как было.

Трудно сказать, списали прочие СМИ ошибочную новость у «РГ», или же они все вместе повторили ошибку пресс-службы суда, или же сам суд решил постфактум переписать свой судебный акт. Так или иначе, утвержденная Президиумом Челябинского облсуда версия истории гласит, что кассация вернула дело на пересмотр в пользу студента.

Президиум рассказывает и об аргументах нижестоящих судов.

«Отказывая М. в иске об уменьшении стоимости оказанной образовательной услуги, взыскании упущенной выгоды, компенсации морального вреда, суд [первой инстанции] исходил из надлежащего выполнения Университетом обязанностей по оказанию истцу образовательных услуг по выбранной им специальности, что подтверждено выдачей истцу по окончании обучения диплома государственного образца.

Не соглашаясь с принятым судом первой инстанции решением, судебная коллегия указала, что в нарушение требований ст. 198 ГПК РФ в решении районного суда отсутствуют выводы об объеме и качественных характеристиках образовательных дисциплин, обязательство преподавать которые принял на себя ответчик по договору, обязательному стандарту и образовательным программам Университета. При этом бремя представления доказательств, подтверждающих качество и количество запланированных и реально предоставленных услуг, должно быть возложено на ответчика»

Однако Президиум не согласен с кассацией. Президиум не понимает, почему «выданный Университетом истцу диплом не был принят во внимание судебной коллегией». По мнению Президиума, не университет должен доказывать, что он учил хорошо, а «именно истец ... должен доказать некачественное оказание ему образовательных услуг». Наконец, надзорный орган отмечает, что не только университет, но и сам студент должен был постараться, чтобы достичь желанного результата:

«Кроме того, прочитанный истцу преподавателями Университета учебный материал, а также количество изученных дисциплин и их разделов не могут свидетельствовать о качестве оказанной ответчиком услуги. Предметом заключенного сторонами договора по оказанию образовательных услуг явилось осуществление

³² Молодой специалист предъявил иск к Южно-Уральскому госуниверситету за некачественное образование // Российская газета. 28.10.2008 (копия веб-страницы по состоянию на 29.10.2008). <https://web.archive.org/web/20081029204325/https://rg.ru/2008/10/28/reg-ygural/isk-anons.html>.

подготовки истца по оговоренной специальности, а не количество прочитанных лекций по учебным дисциплинам. Заключая договор, М. в свою очередь также обязался в установленные в договоре сроки овладеть всеми видами профессиональной деятельности, предусмотренными учебной программой, квалификационной характеристикой специальности, не допуская академических задолженностей по дисциплинам...»

Президиум облсуда не стал окончательно отказывать выпускнику в иске, а (зачем-то) направил дело обратно в кассацию для нового кассационного рассмотрения. Но, конечно, в целом это было решение в пользу университета. После следы дела окончательно теряются. Дальнейших судебных актов мы не нашли даже с помощью друзей. А прессу продолжение этой истории почему-то совсем не заинтересовало.

Проблемы договорной теории в исках к вузу без аккредитации

В целом в России в таких сферах, как образование, да и не только, государство больше полагается и рассчитывает на государственное регулирование, чем на частные иски гражданских активистов, поскольку метод локализации различных социальных проблем путем инициативы снизу вызывает настороженность со стороны государственных органов. Частный иск имеет хорошие шансы на удовлетворение разве что при наличии очевидных формальных нарушений закона или договора со стороны учебного заведения.

Так, пресса сообщала³³ об иске студентки, которая в 2009 году поступила в негосударственный вуз (Новосибирский институт экономики, психологии и права) по специальности «юриспруденция», а когда она его успешно окончила, выяснилось, что у вуза в 2011 году отозвали аккредитацию (но не лицензию). В результате полученный выпускницей диплом юриста оказался, по сути, бесполезным.

Студентке об отзыве аккредитации не сообщили (а сама она почему-то об этом не слышала). Напротив, в ежегодно подписываемых дополнительных соглашениях к договору на обучение значилось, что аккредитация у вуза есть.

Возмущённая выпускница потребовала вернуть деньги, но вуз отказался. По его словам, диплом государственного образца он выдать при всем желании не мог, а значит, никакого нарушения с его стороны не было. Тогда выпускница обратилась в суд. На этот раз решение районного суда обнаруживается на сайте³⁴.

Суд согласился с истицей, что она «не предполагала и не могла предполагать, что по состоянию на указанные даты ... свидетельство о государственной аккредитации у института отсутствует», а также что «по факту утраты институтом государственной аккредитации ... она не была проинформирована об этом».

³³ Студентка отсудила 400 тысяч рублей у института, лишившегося аккредитации // Росконтроль – Защита потребителя. <https://roscontrol.com/ozpp/article/studentka-otsudila-400-tisyach-rublej-u-institutu-lishivshegosya-akkreditatsii/#popup>.

³⁴ Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска от 29.12.2015 № 2-1443/2015. https://leninsky-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14661056&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

По заключению суда:

«...при оказании платных образовательных услуг на основании заключенного договора ... ответчиком ... было допущено существенное нарушение его условий, повлекшее для [истицы] невозможность получения документов о высшем профессиональном образовании государственного образца, на что истец рассчитывала при заключении договора»

В результате суд взыскал с университета не только стоимость обучения (за период деятельности без аккредитации), но и неустойку в той же сумме, моральный вред, 50-процентный штраф по Закону о защите прав потребителей, а также гонорар юриста – в общей сложности почти 400 тыс. рублей.

Как явствует из судебного акта, истица между тем поступила на пятый курс заочного обучения аккредитованного института. Она пыталась взыскать с ответчика и плату за обучение в новом вузе, но суд отказал. По словам суда, «двойного взимания платы различными учебными заведениями за один и тот же период не усматривается», ведь деньги за обучение в первом вузе «взысканы с ответчика в полном объеме».

В остальном решение – в пользу истицы.

Добавим, что год спустя тот же суд принял аналогичное решение в пользу ещё одного студента-юриста того же вуза. В этом деле специфика состояла в том, что студент поступил в вуз в 2012 году, то есть уже *после* отзыва аккредитации (о чем абитуриент, надо понимать, каким-то образом ничего не знал). Вуз между тем не потрудился исправить текст своего договора на обучение, и там по-прежнему содержалось обязательство выдать выпускнику диплом государственного образца. В 2015 году студент, осознав, что диплом гособразца он всё же не получит, потребовал расторгнуть договор и вернуть деньги.

Суды в двух инстанциях³⁵ поддержали студента, сочтя отсутствие аккредитации «недостатком услуги».

Раз университет пообещал студенту диплом гособразца, пусть получает аккредитацию и выдаёт такой диплом либо компенсирует его отсутствие деньгами. В акте апелляции говорится следующее:

«Отсутствие государственной аккредитации (истечение срока ее действия) исключает возможность исполнения принятого на себя образовательным учреждением обязательства предоставить образовательные услуги, соответствующие государственным образовательным программам, и выдать диплом государственного образца. Указанное обстоятельство, безусловно, является существенным недостатком предоставляемой ответчиком услуги, поскольку истец не может получить то, на что рассчитывал при заключении договора. При этом цель заключения договора истцом очевидна – получение образовательных услуг, подразумевающее выдачу диплома государственного образца»

³⁵ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 29.09.2016 по делу № 33-9580/2016 (судебный акт можно найти через СПС «КонсультантПлюс»).

Решение в пользу истца. Как видим, в обоих случаях решение было принято на основании договорной, а не деликтной теории.

Судебные споры с университетом, не имевшим сертификата от Росавиации

Если студент из-за плохого обучения не смог поступить на работу, это еще полбеды. А что если он устроился на работу, но его квалификация не соответствует диплому? И что если от результатов его работы зависят жизни других людей?

В феврале 2018 года в Подмоскowie произошла крупная авиакатастрофа. Через шесть минут после взлета разбился авиалайнер Ан-148 компании «Саратовские авиалинии». Погибли все 65 пассажиров и 6 членов экипажа³⁶.

Как выяснилось по итогам расследования, причиной катастрофы стали неверные действия экипажа. Пилоты забыли включить обогрев датчиков определения скорости, и в результате обледенения приборы показали ложные данные о падении скорости. Командир экипажа решил разогнать самолёт, переведя его в пикирование, и на большой скорости врезался в землю.

«Саратовские авиалинии» в результате разорились, но проблемы возникли не только у авиакомпании: прокуроры заинтересовались документами второго пилота. Он окончил Южно-Уральский государственный университет (уже знакомый нам по одному из предыдущих кейсов) и в 2017 году получил от Росавиации свидетельство коммерческого пилота на основании диплома именно этого университета.

По результатам прокурорской проверки выяснилось, что для обучения пилотов университет имел лицензию и аккредитацию от Рособрнадзора, предусмотренные Законом об образовании. Однако университет не имел сертификата от Росавиации, предусмотренного Воздушным кодексом!

По соглашению между университетом и авиакомпанией «Челавиа» практические занятия проводились в учебном центре авиакомпании, у которого такой сертификат был. Университет полагал, что тем самым формальные требования закона были выполнены. Прокуроры с этим не согласились: по их мнению, все разрешительные документы должно иметь одно и то же учебное заведение, выдающее диплом.

Прокуроры направили результаты проверки в Росавиацию, и та начала аннулировать свидетельства пилотов, выданных ею выпускникам этого университета, по мотивам «предоставления недостоверных сведений». Были аннулированы десятки свидетельств.

Многие пилоты обращались в суды, возражая в том смысле, что они не предоставляли Росавиации никаких недостоверных сведений. Ведь они действительно учились в университете, действительно проходили лётную практику и действительно получили диплом государственного образца, который и представили в Росавиацию.

³⁶ У пилотов катастрофа с дипломами // Коммерсантъ. 07.06.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/3993007>.

Суды почти неизменно отклоняли иски оставшихся без «прав» пилотов. В некоторых случаях нижестоящие суды решали спор в пользу пилота, но тогда такие решения отменялись в Верховном Суде. По словам Коллегии ВС по административным делам:

«[т]ребование закона о наличии у образовательной организации одновременно и лицензии и сертификата не может быть преодолено участием в подготовке одного специалиста двух организаций, одна из которых имеет лицензию на право занятия образовательной деятельностью, а вторая – сертификат АУЦ [авиационного учебного центра]»³⁷

Пилоты также пытались признать недействующими правила проверок, на основании которых их лишили свидетельств. Административные истцы ссылались на несоответствие правил букве Воздушного кодекса, а также на нарушение своих конституционных прав. Но безуспешно: Верховный Суд, рассмотрев дело в двух инстанциях, отказал пилотам³⁸.

Но что же насчёт гражданско-правовой ответственности университета? Нет сомнений, что в США в подобной ситуации университет был бы завален исками родственников людей, погибших в катастрофе (примеры таких исков мы уже видели). При желании иски могли бы предъявить и оставшиеся без работы выпускники, а также авиакомпания, чей самолет разбил неквалифицированный пилот. Однако в России ничего этого не произошло.

В прессе сообщалось лишь об исках транспортной прокуратуры к университету в интересах «неопределенного круга лиц». Но речь в этих исках шла не о взыскании с университета убытков, прокуроры просили признать незаконной деятельность университета в части обучения пилотов и в связи с этим признать недействительными выданные выпускникам-пилотам дипломы. Речь шла о десятках выпускников: по мнению прокуратуры, теперь у них надо было отобрать не только пилотские свидетельства, но и дипломы.

Нам удалось обнаружить лишь один судебный акт, связанный с этими исками, – апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда, опубликованное на сайте суда³⁹. В судебном акте упоминается, что в общей сложности в университете полный курс подготовки прошли 126 курсантов (из них 60 – после вступления в силу действующих требований о сертификации), а профессиональную переподготовку – 65 слушателей. Но в этом акте апелляции речь только о двоих.

По требованию транспортного прокурора районный суд признал незаконной деятельность университета по обучению пилотов и аннулировал два выданных им пилотских диплома: один – о профессиональной переподготовке, выданный в 2013 году, другой –

³⁷ Кассационное определение СКАД ВС РФ от 17.09.2019 № 69-КА19-2. См. также: Кассационные определения СКАД ВС РФ 17.09.2019 № 69-КА19-3; от 23.10.2019 № 9-КА19-5.

³⁸ Решение ВС РФ от 13.09.2019 по делу № АКПИ19-528; апелляционное определение ВС РФ от 24.12.2019 по делу № АПЛ 19-464.

³⁹ Апелляционное определение СКГД Челябинского областного суда от 31.01.2020 № 2-88/2019 по делу № 11-13060/2019 (11-40/2020). https://oblsud--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11600584&delo_id=5&new=5&text_number=1.

о профессиональном образовании, выданный в 2017 году. Суд основал свое решение на ст. 1065 ГК («Предупреждение причинения вреда»). Любопытно, что ни прокурор, ни судья не сочли нужным привлечь к делу самих выпускников!

Университет утверждал, что дипломы были выданы вполне законно, ведь необходимый сертификат был у его партнера (авиакомпании). По словам университета, непонятно, «в чем заключаются интересы неопределенного круга лиц, какие права таких лиц были нарушены при осуществлении ответчиком образовательной деятельности, а также, каким образом права могут быть восстановлены в случае удовлетворения исковых требований». Непонятно также, причинение какого именно вреда желал «предупредить» суд. Наконец, по мнению университета, в части диплома от 2013 года прокурор пропустил срок исковой давности.

Обнаружив, что обладатели спорных дипломов не были привлечены к делу, апелляция отменила решение нижестоящего суда и перешла к рассмотрению дела по правилам первой инстанции, пригласив в суд и выпускников тоже. Выпускники, правда, так и не явились, но рассмотрению дела это не помешало.

Что касается диплома от 2017 года, суд полностью поддержал прокурора, признав, что для выдачи дипломов пилота вуз должен был иметь одновременно и лицензию, и сертификат (во всяком случае, с 26.06.2016, когда вступили в силу действующие правила на эту тему).

В опубликованном на сайте суда акте говорится следующее:

«Таким образом, вопреки доводам возражений ответчика и третьих лиц, нормы Воздушного кодекса Российской Федерации, Закона Российской Федерации от ДД.ММ.ГГГГ № 3266-1 «Об образовании», Федерального закона от ДД.ММ.ГГГГ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации, Федеральных авиационных правил № и № в их взаимосвязи предусматривали, что Университет при осуществлении вышеуказанной образовательной деятельности должен был иметь одновременно лицензию и сертификат авиационного учебного центра»

(Обратим внимание на абсурдную «деперсонализацию» судебного акта, делающую почти невозможным понимание текста)

«Наличие диплома, подтверждающего получение квалификации «пилот», у лица, не имеющего соответствующего уровня образования, влечет угрозу нарушения права неопределенного круга лиц на безопасность полетов и создает негативные последствия для Российской Федерации как правового государства, гарантирующего правовое регулирование в данной сфере и соблюдение обязательных норм и правил»

Суд признал незаконной деятельность университета по обучению пилотов, начиная с 26.06.2016 (дата вступления в силу действующих правил о сертификации), и аннулировал диплом от 2017 года.

Но вот что касается второго диплома, от 2013 года, суд поддержал университет и его выпускника. По заключению суда, прокурор действительно пропустил срок исковой

давности. Университет осуществлял обучение по программе профессиональной переподготовки в 2011–2014 годах, а прокурор предъявил иск в 2018 году, то есть четыре года спустя.

Прокурор говорил, что он узнал о нарушении лишь в результате проверки, состоявшейся в 2017 году. Однако суд пришёл к выводу, что срок надо отсчитывать от момента, «когда любое заинтересованное лицо из числа неопределённого круга лиц узнало или должно было узнать о нарушении своих прав».

Между тем обучение пилотов в университете отнюдь не было секретом. Суд апелляционной инстанции просмотрел несколько видеозаписей старых телепередач («Студенты получают лётные корочки» и т.п.) и увидел, помимо прочего, как выпускников поздравляли высокопоставленные руководители Росавиации.

«Образовательная деятельность Университета по программам дополнительного профессионального образования ... на протяжении трех лет (2011–2014 гг.) осуществлялась открыто и под контролем Росавиации, должностные лица Росавиации участвовали в итоговой аттестации выпускников Университета, информация о такой деятельности в 2012 г. размещалась в средствах массовой информации, то есть и неопределенному кругу лиц, и государству уже в 2011–2014 гг. было известно об указанной образовательной деятельности, при этом государство в лице Росавиации такую деятельность одобряло»

Между тем именно Росавиация занимается сертификацией авиационных учебных центров.

«Таким образом, государству в лице Росавиации изначально было известно о том, что ответчик осуществляет образовательную деятельность по программам ДПО [дополнительного профессионального образования] без сертификата АУЦ [авиационного учебного центра]»

А раз так, государство в лице прокурора теперь не может говорить, что впервые узнало об этом в 2017 году. Можно сказать, что состоялся эстопель по-русски.

В этой части суд отказал прокурору в иске.

В итоге как минимум один из выпускников аэрокосмического факультета университета в 2020 году остался при своем пилотском дипломе, полученном в 2013 году. Увы, его пилотское свидетельство, летать без которого запрещено, было аннулировано Росавиацией⁴⁰ ещё в 2018 году, в числе десятков других свидетельств, выданных выпускникам этого университета.

* * *

Гражданские иски в России играют лишь маргинальную роль в обеспечении качества образования. В основном российский правопорядок полагается на бюрократические

⁴⁰ Приказ Росавиации от 09.04.2018 № 286-П. <http://www.favt.ru/public/materials//5/3/1/6/1/53161ba55f901a21d9f37e31b162375f.pdf>.

методы: лицензирование, аккредитация, сертификация, прокурорские проверки, дела об административных правонарушениях и т.п. В крайнем случае – гражданский иск прокурора в защиту неопределённого круга лиц.

Роль судов, по сути, сводится к проверке наличия или отсутствия у вуза необходимых бумаг. Ну, иногда ещё нужно посчитать срок давности или сумму убытков.

В 1990-е годы в России как грибы после дождя расплодились многочисленные «академии» и «университеты», далеко не всегда обеспечивающие приемлемое качество образования. Зачастую речь шла о банальной торговле дипломами. Разумеется, у всех этих вузов были лицензии, а у многих – и аккредитация.

В последние годы Минобрнауки предприняло масштабные усилия по «зачистке» высшего образования в России. Множество вузов было лишено лицензий или аккредитации. С 2014 по 2017 год число действующих в России вузов и их филиалов сократилось вдвое (с 2268 до 1171)⁴¹. Подобным образом примерно половина вузов лишилась аккредитации в период 2014–2018 годов⁴². Заметим, что гражданско-правовые иски никакой роли в расчистке этих авгиевых конюшен не сыграли.

Однако порой с водой выплескивают и ребенка. Так, получили громкий общественный резонанс истории с лишением лицензии Европейского университета в Санкт-Петербурге и с лишением аккредитации Шанинки (Московской высшей школы социальных и экономических наук). Между тем специалисты причисляют оба вуза к ведущим негосударственным вузам страны⁴³. Заявленные чиновниками причины опалы вузов в обоих случаях выглядели надуманными.

В 2017 году городские власти выгнали Европейский университет из занимаемого им здания, а Росособнадзор объявил, что некоторые параметры нового временного здания, а также одна из образовательных программ университета не отвечают лицензионным требованиям. Лицензия была приостановлена. Попытка отстоять права университета в судах не дала результата. Ректор вуза ушёл со своего поста, выразив надежду, что «его отставка обеспечит дальнейшее развитие университета»⁴⁴. И действительно, в 2018 году университету выдали новую лицензию⁴⁵.

⁴¹ В России отчислили половину вузов // Коммерсантъ. 05.02.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3540086>.

⁴² Около 50% российских вузов были лишены аккредитации начиная с 2014 года // РИА Новости. 28.02.2019. <https://na.ria.ru/20190228/1551456456.html>.

⁴³ См., напр.: Лишившийся лицензии Европейский университет возглавил рейтинг Минобрнауки // РБК. 31.01.2017. <https://www.rbc.ru/society/31/01/2017/588f4f269a794750d09c85c4> («Европейский университет, который судится с чиновниками из-за отзыва лицензии, стал лидером в мониторинге Минобрнауки по отдельным показателям. Вуз занял первое место по научно-исследовательской и финансовой деятельности»); Сонин К. Кому навредит закрытие Шанинки // Ведомости. 24.06.2018. <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/06/25/773640-navredit-zakritie-shaninki> («МВШСЭН 30 лет назад создал выдающийся социолог Теодор Шанин, это один из трех российских вузов, наряду с Высшей школой экономики и Европейским университетом в Петербурге, заметных на социологической карте мира»).

⁴⁴ Европейский университет не сдал зачет Росособнадзору // Коммерсантъ. 27.09.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3422758>.

⁴⁵ Европейскому университету вернули студентов // Коммерсантъ. 11.08.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3712224>

В 2018 году Рособрнадзор лишил Шанинку аккредитации (но не лицензии) «на основании заключения по результатам аккредитационной экспертизы»⁴⁶. Многим заключение экспертизы показалось странным.

Так, в части программы «Юриспруденция» одна из главных претензий экспертов состояла в том, что «[о]дин из преподавателей имеет высшее образование по специальности «История», а преподает право»⁴⁷. Очевидно, речь шла о декане факультета права Д.В. Дождеве, одном из ведущих российских цивилистов, историке по первому образованию⁴⁸.

Также эксперты сочли нарушением, что «отсутствует помещение для студенческой правовой консультации (юридической клиники) и учебный зал судебных заседаний»⁴⁹. Ну и прочее в таком роде.

Более 250 представителей научного сообщества подписали открытое письмо в поддержку вуза⁵⁰.

Руководство Шанинки предпочло не судиться с Рособрнадзором, а пройти аккредитацию повторно. Неизвестно, к каким маневрам пришлось для этого прибегнуть, но в марте 2020 года Рособрнадзор смиловился и решил вернуть Шанинке аккредитацию⁵¹. Что касается Д.В. Дождева, он по-прежнему декан, но на этот раз у экспертов Рособрнадзора никаких претензий по этому поводу не возникло.

Увы, основатель вуза, выдающийся социолог Теодор Шанин, умер в феврале 2020 года и не увидел, как вузу вернули аккредитацию.

В общем, бюрократические методы регулирования образования – тоже, мягко говоря, не панацея.

Заключение

Как мы видели, американские суды отказываются признать деликт «образовательная небрежность» и привлекать на основании такого деликта учебные заведения к гражданско-правовой ответственности за недостаточное качество образования. Исключением являются случаи, когда учебное заведение нарушает какой-либо писанный закон. Суды предпочитают оставлять регулирование образовательной деятельности уполномоченным исполнительным органам.

⁴⁶ Приказ Рособрнадзора № 842 от 20.06.2018.

⁴⁷ Заключение экспертов от 19.06.2018. http://www.obrnadzor.gov.ru/common/upload/doc_list/Zaklu-chenie_oano_vo_Moskovskaya_vyssshaya_shkola_sotsialnykh_i_ekonomicheskikh_nauk.pdf.

⁴⁸ Один из авторов этой статьи (С.Б.), физик по первому образованию, также преподавал правовую дисциплину в Шанинке в указанный период в качестве приглашённого лектора. К счастью, у экспертов Рособрнадзора это замечаний не вызвало.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Рособрнадзор вернул Шанинке государственную аккредитацию // Ведомости. 06.03.2020. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/03/06/824681-shaninka>.

⁵¹ В Шанинку вернулись госдипломы // Коммерсантъ. 06.03.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4282599>.

Сходная картина наблюдается и в России. Немногочисленные иски студентов к вузам о недостатках образования ничем не кончаются, если только вуз прямо не нарушает законодательство об образовании или заключённый со студентом договор. Упор и в России делается на государственный надзор (который, увы, небезгрешен, как показывают истории Европейского университета и Шанинки).

Представляется, что доводы, изложенные в указанных судебных актах, вполне логичны и аргументированы. Причем главным убеждающим доводом является предположение о том, что если открыть этот ящик Пандоры, то школы и вузы погрязнут в бесконечных судебных тяжбах. Также абсолютно релевантным и для России является довод о том, что свобода академической (научной) мысли никак не должна ограничиваться, поскольку именно плюрализм мнений, концептов, гипотез и теорий позволяет науке и образованию развиваться.

Если предположить на секунду, что суды будут наказывать учебные заведения за то, что они в процессе обучения сообщают знания и сведения, которые в последующем будут опровергнуты или уточнены, то это приведёт к абсолютно ужасающему «замораживающему эффекту», когда преподаватели будут опасаться сообщать ученикам и студентам смелые идеи и предположения, но будут наполнять программы только трюизмами и общими догматическими местами в стиле «Волга впадает в Каспийское море» (хотя даже это не точно). Такой процесс явно причинит много вреда, а пользы не принесёт почти никакой.

Но мы, изучив заокеанский опыт, задумались о том, почему тем не менее не прекращаются попытки пробить брешь в этой неприступной крепости?! А также почему учёные и юристы продолжают реанимационные процедуры этого мертворождённого концепта?! Можно предположить много версий: от банального стяжательства до инерционной смысловой аналогии – если можно засудить за плохо оказанную консультацию, то почему нельзя требовать сатисфакции при некачественном образовании? Но истинной причиной мы всё же считаем эффект, описываемый пословицей «для того и щука в пруду, чтобы карась не дремал». Сама возможность претензий должна побуждать образовательные учреждения заботиться и задумываться о качестве образования.

Однако безупречное качество образования (методик, учебников, пособий и преподавательского мастерства) является условием необходимым, но абсолютно недостаточным для формирования образованного человека. В противном случае все выпускники одной школы или университета были бы по своим знаниям абсолютно одинаковыми, а такого не наблюдается ни за границей, ни в родных пенатах.

Получается, что в конечном счете о качестве своего образования ученик должен заботиться самостоятельно.

